

Дара Вейн

Диагноз: эпидемия. Лечение:
надежда

Дара Вейн

**Диагноз: эпидемия.
Лечение: надежда**

«Автор»

2026

Вейн Д.

Диагноз: эпидемия. Лечение: надежда / Д. Вейн — «Автор»,
2026

В городе начинается стремительная эпидемия: неизвестная инфекция поражает сотни людей, больницы переполнены, а паника растёт с каждым днём. В эпицентре событий — команда врачей городской клиники и хирург Алексей Воронин, для которого каждая операция — это не просто работа, а борьба за человеческую жизнь. Пока учёные пытаются разгадать природу вируса, врачи ежедневно рискуют собой, спасая пациентов и принимая тяжелейшие решения. На фоне нарастающей угрозы раскрываются личные истории героев: кто-то борется с выгоранием, кто-то находит в себе силы вопреки страху, а кто-то совершает ошибки, цена которым — чужие судьбы. Это история о мужестве, ответственности и хрупкости человеческой жизни, где каждый день — это гонка со временем, а спасение одного пациента может стать шагом к победе над эпидемией.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Диагноз: эпидемия. Лечение: надежда

Глава 1. Первый сигнал

Утро в городской клинике начиналось как обычно: скрип тележек, приглушённые голоса медсестёр, запах кофе из дежурки, который не мог перебить стойкий больничный аромат спирта и хлорки. В приёмном покое царила та особая суеда, которая кажется хаотичной только со стороны, — на деле каждый знал своё место и свою задачу.

Алексей Воронин, хирург с одиннадцатилетним стажем, стоял у стойки и просматривал список плановых операций на день. Его движения были спокойными, почти размеренными, будто он специально замедлял себя, чтобы не выдать внутреннего напряжения. Он любил эту часть работы — когда всё идёт по плану, когда можно предсказать каждый шаг. Но именно эта предсказуемость иногда пугала его больше любой катастрофы: она усыпляла бдительность.

— Алексей Михайлович, к нам привезли мужчину с температурой и одышкой, — в голосе дежурной медсестры слышалось лёгкое беспокойство, которое она старалась скрыть за деловитостью. — В машине скорой сказали, что состояние ухудшается.

Он поднял взгляд, отложил планшет.

— Где он?

— В боксе номер три. Пока без диагноза. Температуру сбивали, но она снова поднялась.

Алексей кивнул, привычным движением поправил халат и пошёл по коридору. В голове уже складывалась цепочка возможных причин: пневмония, обострение хронической болезни, вирусная инфекция... Ничего необычного. Пока ничего необычного.

В боксе было прохладно — по протоколу температуру держали ниже, чтобы замедлить распространение возможных патогенов. Мужчина лет пятидесяти лежал на каталке, тяжело дыша. Его лицо было бледным, с сероватым оттенком, который Алексей слишком хорошо знал: это не просто усталость, это организм, который уже начал проигрывать невидимую битву. Рядом суежилась молодая ординаторка Катя — она пыталась закрепить датчик пульсоксиметра, но пальцы у неё слегка дрожали.

— Катя, спокойно, — тихо сказал Алексей, подходя ближе. — Сначала оценим состояние.

Она бросила на него быстрый взгляд, в котором читалось облегчение: «Теперь он здесь, теперь всё будет правильно».

— Сатурация 92, — отчиталась она, наконец закрепив датчик. — Дыхание учащённое, 28 в минуту. Температура 39,4. Жаловался на боль в груди и ломоту во всём теле.

Алексей наклонился к пациенту, заглянул в глаза — те были мутными, будто затянутыми дымкой.

— Как вас зовут?

— Сергей... Сергей Николаевич, — выдохнул мужчина, и каждый слог давался ему с усилием.

— Вы где-то были в последние дни? Много людей вокруг? Может, кто-то из близких болел?

Сергей Николаевич покачал головой, но тут же поморщился от боли.

— На работе... склад... там все кашляют... я думал, простуда...

Алексей выпрямился, посмотрел на Катю. В её взгляде уже мелькнуло то самое понимание, которое приходит к врачам не сразу, а после нескольких таких случаев: это не обычная простуда.

— Нужны анализы, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без паники. — Полный спектр: кровь, мазок, рентген. И изолируйте бокс. Пока работаем как с потенциально инфекционным случаем.

Катя кивнула и быстро вышла, а Алексей снова склонился к пациенту.

— Мы вам поможем, — произнёс он, и в этот момент сам себе не до конца верил. Не потому, что сомневался в своих силах, а потому, что знал: иногда даже самых лучших сил оказывается недостаточно.

Пока медсёстры готовили каталку для транспортировки на рентген, Алексей отошёл к окну, чтобы сделать короткий звонок заведующему отделением. Город за стеклом жил своей обычной жизнью: машины спешили по делам, люди шли по тротуарам, кто-то смеялся, кто-то спорил по телефону. Никто из них не знал, что где-то в приёмном покое только что прозвучал первый тихий сигнал тревоги — тот, который потом будет казаться началом чего-то огромного, неумолимого, меняющего всё.

— Игорь Петрович, у нас пациент с высокой лихорадкой и выраженной дыхательной недостаточностью, — сказал Алексей в трубку, стараясь подбирать слова так, чтобы не звучать как человек, который уже предчувствует беду. — Симптомы неспецифичные, но нарастают быстро. Хочу подстраховаться и усилить контроль в приёмном.

На том конце провода Игорь Петрович помолчал секунду — достаточно долгую, чтобы Алексей успел подумать, что начальник сейчас скажет: «Не паникуй, у нас каждый день такие». Но вместо этого он услышал:

— Держи меня в курсе. И если что-то покажется подозрительным — сразу сообщай. Сейчас в новостях мелькало про вспышки в соседних районах.

Эти слова повисли в воздухе, как невидимая линия, которую нельзя было пересечь.

Когда Алексей вернулся к боксу, Сергея Николаевича уже увезли на рентген. В комнате осталась только Катя, которая стояла у раковины и тщательно мыла руки, будто пыталась смыть не только возможную инфекцию, но и свой страх.

— Всё будет нормально, — сказал Алексей, хотя понимал, что «нормально» теперь может означать совсем не то, что раньше.

— Я просто... никогда не видела, чтобы так быстро падало состояние, — призналась Катя, не поднимая глаз. — Он ведь пришёл на своих ногах. А через полчаса уже не мог нормально дышать.

— Именно поэтому мы здесь, — ответил Алексей, и в его голосе прозвучала та самая твёрдость, которую он сам в себе иногда не замечал. — Чтобы быть там, где становится хуже. И делать всё, чтобы повернуть это «хуже» обратно.

Результаты рентгена пришли через двадцать минут. Алексей смотрел на снимок, и внутри у него медленно, но уверенно росло неприятное чувство, похожее на холод, который проникает под кожу. На снимке лёгкие были испещрены мелкими затемнениями — не массивными, но многочисленными, словно кто-то рассыпал по ткани лёгких горсть тёмного песка.

— Это не обычная пневмония, — тихо сказала Катя, заглядывая через его плечо.

Алексей молча кивнул. Он знал этот рисунок. Видел его раньше, но редко. И каждый раз после такого снимка всё менялось.

— Подготовь документы для перевода в инфекционное отделение, — сказал он, уже понимая, что это только начало. — И пусть лабораторию поставят в приоритет. Нам нужно знать, с чем мы имеем дело.

А за окном город продолжал жить, не подозревая, что первый сигнал уже прозвучал. И что скоро этих сигналов станет так много, что их услышит каждый.

Глава 2. Волна

Следующие сорок восемь часов слились для Алексея в один нескончаемый поток лиц, цифр и тревожных звонков. То, что начиналось как единичный случай, теперь напоминало

лавины, которая пока ещё катилась где-то вдали, но грохот её уже был слышен в коридорах клиники.

После перевода Сергея Николаевича в инфекционное отделение в приёмное начали поступать новые пациенты с похожими симптомами: высокая температура, одышка, жалобы на «камень на груди». Сначала их было трое за смену, потом — семь, потом счёт пошёл на десятки. Город будто выдохнул в больницу невидимый яд, и клиника стала первым барьером на его пути.

На утреннем совещании в кабинете заведующего отделением воздух был густым от напряжения. Игорь Петрович, обычно сдержанный и спокойный, сегодня выглядел так, будто не спал трое суток подряд: под глазами залегли тёмные тени, а голос звучал жёстче обычного.

— За ночь у нас двадцать семь поступлений с респираторной симптоматикой, — докладывал дежурный врач, листая бумаги так быстро, что страницы шелестели, как крылья встревоженных птиц. — И это только те, кто доехал. Скорые стоят в очереди на разгрузку. В соседних районах больницы уже вводят чрезвычайный режим.

Катя сидела в дальнем углу, сжимала в руках блокнот и смотрела на всех так, будто пыталась запомнить каждое слово, чтобы потом, когда всё закончится, восстановить этот день по деталям. Алексей поймал её взгляд и коротко кивнул: «Держись. Мы справимся». Но сам уже не был в этом уверен.

— Что с анализами Сергея Николаевича? — спросил Игорь Петрович, постукивая пальцами по столу. Этот ритмичный звук был единственным, что выдавало его волнение.

Алексей раскрыл папку.

— Вирус не идентифицирован. Лаборатория говорит, что это какой-то новый штамм. Он быстро мутирует, стандартные тесты его не ловят. Пока единственное, что мы можем, — это симптоматическое лечение и изоляция.

В комнате повисла тишина. Она была тяжелее любых слов.

— Значит, мы не знаем, с чем боремся, — тихо произнёс Игорь Петрович и наконец перестал стучать пальцами. — Но бороться придётся. Объявляем внутрибольничный режим повышенной готовности. Все плановые операции — на паузу. Перепрофилируем часть отделений под респираторные койки. И... нужно просить дополнительные аппараты ИВЛ.

Кто-то из врачей попытался возразить:

— Но у нас же есть график, люди ждут операций...

Игорь Петрович посмотрел на него так, что возражение оборвалось на полуслове.

— Сегодня мы спасаем тех, кто может умереть за час. Завтра будем думать про остальных. Если будет «завтра».

Когда совещание закончилось, Алексей вышел в коридор и на секунду остановился, прильнув спиной к холодной стене. Ему нужно было всего несколько секунд, чтобы перевести дыхание, но даже этого времени у него не было.

К нему подбежала Елена, старшая медсестра, в маске и с папкой в руках.

— Алексей, у нас проблема. В терапевтическом отделении трое сотрудников пожаловались на температуру. Один уже не может работать. И в приёмном не хватает мест — люди сидят на стульях в коридоре, ждут осмотра.

Он закрыл глаза, будто это могло помочь ему увидеть не хаос, а порядок. Но порядок рассыпался на глазах.

— Сколько свободных коек?

— Ни одной. Мы ставим дополнительные кровати в процедурных. Это временно, но... надолго ли?

Алексей выпрямился.

— Найди мне список всех, кто сегодня контактировал с пациентами из «красной зоны». Нужно срочно провести тестирование. И пусть подготовят резервный штат: тех, кто на больничном, тех, кто в отпуске. Нам понадобятся все.

Елена кивнула, но в её глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость, которая уже граничила с отчаянием.

— А если их не будет? Если все уже болеют?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и неудобный, как камень, который никто не хочет поднимать.

— Тогда будем работать сами, — ответил Алексей, хотя внутри у него всё сжималось от мысли, сколько ещё смен подряд он сможет держаться на ногах. — Пока можем.

Он вернулся в отделение, где каждый бокс теперь был на учёте, а каждый пациент — на особом контроле. В шестом боксе лежал новый больной — молодой парень лет двадцати пяти. Он дышал с трудом, а его девушка сидела рядом, вцепившись пальцами в край стула, и шептала что-то, будто молилась.

— Доктор, скажите, что с ним будет? — спросила она, когда Алексей подошёл к кровати. В её голосе была такая надежда, что ему стало больно.

Он хотел сказать что-то ободряющее, но слова застряли в горле. Вместо этого он честно ответил:

— Мы сделаем всё возможное. Сейчас главное — стабилизировать его состояние.

Девушка кивнула, но по её щекам уже катились слёзы.

Пока медсестра регулировала подачу кислорода, Алексей отошёл к окну и достал телефон. На экране мигало непрочитанное сообщение от жены: «Ты когда придёшь? Дочка спрашивает, когда папа вернётся». Он хотел написать «скоро», но не смог. Потому что «скоро» теперь не имело смысла.

Эпидемия набирала скорость, как поезд, который уже не мог остановиться. И каждый новый пациент был не просто случаем — это был сигнал, что волна становится выше, и скоро она накроет всё вокруг.

Глава 3. Дом, который стал чужим

К третьему дню волна эпидемии накрыла не только больницу — она добралась до каждого, кто был связан с теми, кто в ней работал. Город ещё не выглядел опустевшим: на улицах мелькали редкие прохожие, магазины кое-где держались открытыми, светофоры по привычке переключались с красного на зелёный. Но воздух стал другим — плотным от страха, который никто не называл вслух.

Алексей не возвращался домой. Официально это называлось «организация временного проживания медперсонала на базе больницы», а по факту — он просто не мог рисковать. Жена Марина звонила каждый вечер ровно в 20:30, когда у дочери Лены уже был отбой, и они могли поговорить без лишних ушей.

— Ты хоть поспал? — спрашивала она, и в этом вопросе было столько усталости, что Алексею казалось, будто она сама дежурит по двенадцать часов подряд.

— Немного, — врал он, присаживаясь на жёсткую кушетку в комнате отдыха, где пахло старым пледом и кофе, который варили на скорую руку. — Тут сейчас... всё под контролем.

Марина смеялась, но смех был натянутым, как струна, готовая лопнуть.

— Под контролем? В новостях говорят, что в нашем районе вводят комендантский час. А у Лены температура. Тридцать семь и две. Я не знаю, паника это или правда.

У Алексея внутри всё оборвалось. Он сжал телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— Тридцать семь и две — это ещё не болезнь, — сказал он, стараясь говорить спокойно, как на консилиуме, где нельзя показывать эмоции. — Это может быть от стресса. Или от того, что она бежит, волнуется...

— Она не бежит. Она сидит. Мы сидим. И боимся выйти даже за хлеб.

Он хотел сказать: «Я приеду», но знал, что это будет не помощь, а риск.

— Сделай тест, — тихо попросил он. — Пожалуйста. Пусть приедет выездная бригада. Не тани. Если что-то не так — сразу звони не мне, а в скорую. И скажи им, что ты жена врача из городской клиники — они поймут, что ситуация особая.

В трубке повисла пауза, и в этой паузе было слышно, как дрожит её голос, даже когда она пыталась говорить твёрдо.

— А если это оно? Если это тот самый вирус? Что тогда?

— Тогда мы будем действовать по протоколу, — ответил Алексей, ненавидя эти слова, потому что «протокол» не обнимал, не гладил по голове, не шептал: «Всё будет хорошо». — Ты не останешься одна. Мы всё организуем.

Но в глубине души он понимал: они не могут гарантировать ничего. Протоколы писались для ситуаций, где есть ресурсы, время, пространство. Сейчас у них не было ни того, ни другого, ни третьего.

Когда разговор закончился, Алексей ещё минуту сидел, глядя на погасший экран. Потом встал, поправил халат и пошёл по коридору, где каждый второй человек был в маске, а каждый первый — в напряжении, которое можно было резать скальпелем.

В приёмном отделении стало хуже: теперь сюда не просто привозили больных — сюда приходили сами. Люди с красными глазами, дрожащими руками, с распечатанными статьями про вирус, с пакетами лекарств, которые они купили «на всякий случай».

— У меня кашель уже два дня, — говорил мужчина в клетчатой рубашке, сжимая в руках паспорт так, будто это был спасательный круг. — Мне страшно.

Алексей посмотрел на него и вдруг увидел не пациента, а себя — того, каким он был неделю назад, когда всё ещё казалось управляемым.

— Мы вас осмотрим, — сказал он и кивнул медсестре. — Сначала сатурация, потом разговор.

Пока ставили датчик, мужчина не сводил с него глаз.

— Скажите честно: это конец?

Алексей хотел ответить что-то стандартное: «Не паникуйте», «Мы справляемся». Но вместо этого сказал почти шёпотом:

— Это очень тяжело. Но мы держимся. И вы держитесь.

И в этот момент он понял, что впервые за эти дни сказал правду. Не ту, которая успокаивает, а ту, которая помогает держаться.

В другом конце больницы, в «красной зоне», Елена проверяла списки контактов и вдруг наткнулась на знакомую фамилию.

— Чёрт, — прошептала она, проводя пальцем по строчке. — Это же сестра Кати. Работает в поликлинике на Лесной. Она вчера звонила Кате, спрашивала, что делать, если температура и слабость. Катя сказала: «Отлежись».

Елена подняла глаза и поймала взгляд Алексея, который как раз подошёл к стойке.

— Катя контактировала с потенциально заражённым лицом, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сестра. Вчера вечером.

Алексей прикрыл глаза на секунду. Только на секунду. Потом открыл и посмотрел прямо.

— Значит, Катя уходит на изоляцию. Прямо сейчас.

Катя стояла у окна в коридоре, смотрела на город, который становился всё тише, и не сразу поняла, о чём речь.

— Что? Но я же ничего не чувствую! У меня нет температуры!

— Именно поэтому ты сейчас идёшь в обсерватор, — сказал Алексей, и в его голосе не было злости, только усталость, которая стала частью его речи, как интонация. — Ты нужна

нам живой. И если завтра у тебя поднимется температура, мы должны быть к этому готовы. Не здесь. Не в отделении.

Она посмотрела на него так, будто он предал её, отобрав самое важное — право быть полезной.

— Я не могу просто сидеть!

— Можешь. И будешь. Это тоже работа. Держать себя в безопасности, чтобы потом вернуться.

Катя ушла, сгорбившись, как человек, у которого отобрали щит и меч. Алексей проводил её взглядом и снова почувствовал, как рушится привычный порядок вещей: не только в больнице, но и в головах тех, кто здесь работал.

А вечером, когда он снова сел на кушетку, чтобы позвонить домой, телефон молчал. Марина не стала звонить в 20:30. Вместо этого в 21:17 пришло сообщение: «Тест отрицательный. Лена в порядке. Я просто... не хотела снова повторять одно и то же. Прости».

Алексей выдохнул так, будто до этого не дышал несколько минут. Потом написал: «Спасибо, что сказала. Я люблю вас». И долго смотрел на эти слова, словно они были не буквами, а чем-то хрупким, что могло разбиться от любого лишнего движения.

Потому что теперь он знал: привычный быт рассыпался, как старый дом под напором ветра. И единственное, что оставалось, — это держаться за тех, кто дорог, даже если между вами теперь — километры, протоколы и страх, который никто не называет вслух.

Глава 4. Секунды на решение

Коридор реанимации гудел не от голосов — от напряжения. Каждый звук здесь казался громче, чем был: скрип тележки, щелчок переключателя, даже тихий стон из палаты звучал как крик. Аппараты ИВЛ отсчитывали ритм чужой жизни короткими, механическими вдохами, будто напоминая: время не принадлежит людям, оно принадлежит машинам.

Алексей стоял у поста медсестёр, перед ним на столе лежали две карточки — две судьбы, между которыми нужно было выбрать. В одной палате — Игорь Петрович, тот самый бывший преподаватель математики, который ещё недавно просил не быть обузой. Сатурация снова падала, лёгкие сдавались, как проколотые шины. В другой — молодая женщина, Анна, двадцать восемь лет, без хронических болезней, мать двоих детей. Её привезли час назад: она ещё могла говорить, но уже не могла дышать без помощи.

— Алексей Михайлович, — голос Елены был твёрдым, но в нём дрожала та самая грань, за которой начинается отчаяние. — Аппарат освободился. Только один. И он сейчас в коридоре, его можно подключить хоть к кому, но только к одному.

Он кивнул, не поднимая глаз. Он знал, что сейчас нельзя смотреть на лица. Нельзя представлять детей Анны. Нельзя вспоминать, как Игорь Петрович рассказывал, как учил внуков складывать дроби. Если он начнёт это представлять, он не сможет выбрать. А если не выберет — умрут оба.

— Кто стабильнее на высокопоточном кислороде? — спросил он, цепляясь за цифры, как за спасательный трос.

Елена листала планшет, пальцы бегали по экрану, будто пытались найти там другой ответ — тот, где не надо выбирать.

— У Анны сатурация держится на 88–90. У Игоря Петровича — 82 и ползёт вниз. Без ИВЛ он не протянет и часа. Но у Анны динамика хуже: если сейчас не подключить, через полтора часа она тоже будет на грани.

— Значит, оба — критические, — тихо сказал Алексей. — Просто один уже там, а второй ещё на пути.

В этот момент к ним подбежал ординатор Дима, молодой, ещё не научившийся прятать страх за профессиональной маской.

— Там ещё в приёмном двое! Один — мужчина лет сорока, в сознании, но сатурация 85. Вторая — девочка лет двенадцати, её мама плачет и кричит, что она задыхается...

Алексей прикрыл глаза. Ему вдруг захотелось оказаться где-нибудь в операционной, где всё просто: разрез, остановка кровотечения, шов. Там не нужно было выбирать, кому жить. Там ты делал всё, чтобы жили все.

Но здесь правил не было. Были только ресурсы. И их не хватало.

Он снова посмотрел на карточки. Потом поднял голову и встретил взгляд Елены — в нём не было упрёка, только ожидание. Она знала: он должен решить. И никто другой не сможет.

— Подключаем Игоря Петровича, — сказал он, и собственный голос показался ему чужим, слишком ровным, слишком спокойным для того, что он только что сделал. — У него нет шансов без ИВЛ прямо сейчас. Анне попробуем стабилизировать состояние, увеличим поток, добавим препараты. Если через сорок минут не будет динамики — будем думать дальше.

Дима хотел что-то сказать, может быть, возразить, может быть, просто выдохнуть, но Елена положила ему руку на плечо.

— Делай, как сказал Алексей Михайлович. Быстро.

Команда пришла в движение: кто-то катил аппарат к палате Игоря Петровича, кто-то готовил интубацию, кто-то бежал за анестезиологом. Всё происходило быстро, но Алексею казалось, что мир замедлился, и каждый шаг отдавался в груди тяжёлым эхом.

Когда он зашёл в палату к Анне, она смотрела на него спокойно, будто уже всё поняла.

— Доктор, я знаю, — тихо сказала она, сжимая пальцами край одеяла. — Вы должны были выбрать. Не вините себя.

Он хотел сказать, что не винит, что это просто медицина, просто приоритеты, просто статистика. Но слова застряли в горле, потому что это была ложь. Он винил. Каждую секунду, пока искал признаки улучшения на мониторе.

— Мы сделаем всё возможное, — произнёс он, и в этих словах не было пафоса, только обещание, которое он собирался сдержать любой ценой. — Сейчас вам станет легче. Мы не оставим вас.

Медсестра начала настраивать подачу кислорода, а Алексей вышел в коридор, где воздух снова стал густым от тревоги.

Там его ждал Игорь Петрович — уже под аппаратом, с трубкой, которая теперь дышала за него. Глаза его были закрыты, лицо расслабилось, и впервые за дни болезни он выглядел так, будто ему стало чуть легче. Это было слабое, хрупкое облегчение, но оно было.

Алексей постоял у кровати, слушая ритмичное шипение ИВЛ, и вдруг почувствовал, как дрожат руки. Он спрятал их в карманы халата, чтобы никто не увидел.

На посту его ждала новая сводка: ещё двенадцать поступлений за час. В городе объявили чрезвычайное положение. На улицах включили громкоговорители: «Оставайтесь дома. Не занимайте скорую без крайней необходимости». Но скорая всё равно приезжала. И привозила людей, которым становилось хуже с каждой минутой.

Телефон в кармане завибрировал. Алексей достал его, не глядя на экран, потому что знал, кто это. Марина.

— Я не могу сейчас говорить, — прошептал он, глядя на имя на экране, и сам себе казался предателем. — Прости. Я перезвоню.

Но он знал, что не перезвонит. Потому что между звонком домой и спасением жизни он снова выберет жизнь. И будет делать так, пока сможет стоять на ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.